

ПОЭТИКА РОМАНОВ ЛЕНЫ ЭЛТАНГ POETICS OF LENA ELTANG'S NOVELS

Аннотация: В статье рассматриваются основные художественные особенности романов Лены Элтанг «Побег куманики», «Каменные клены» и «Другие барабаны». Автор характеризует такие общие черты указанных произведений, как специфическая организация хронотопа, дневниковая форма повествования, интертекстуальность. Также уделяется внимание языковому своеобразию романов.

Ключевые слова: поэтика романа; интертекстуальность; жанр дневника.

Abstract: This article discusses the main artistic features of Lena Eltang's novels: «Escape of the Bramble», «The Stone Maples» and «The Other Drums». The author describes the common features of these works such as specific organization of the chronotope, diary narrative form, intertextuality. Also it is devoted to the linguistic originality of the novels.

Keywords: poetics of the novel; intertextuality; diary genre.

Творчество современной русской писательницы Лены Элтанг сравнительно быстро завоевало признание критиков и читателей. Ее первый роман «Побег куманики», опубликованный в 2006 г., вошел в «краткий список» премии Андрея Белого и «краткий список» премии «Национальный бестселлер». Второй роман – «Каменные клёны», удостоенный литературной премии «Новая словесность-2009», был практически сразу переведен на литовский, эстонский и латышский языки, а третья книга – «Другие барабаны» – была отмечена знаменитой Русской премией. Опубликованный в 2015 г. роман «Картахена», пока не получил развернутых критических отзывов, но в первые же месяцы собрал большое число интернет-комментариев читателей. Лена Элтанг также является автором нескольких десятков рассказов и повестей, опубликованных в сборниках «ПрозаК» (2004), «Русские инородные сказки-3», «Секреты и сокровища. 37 лучших рассказов 2005 года» (2006), антологии «Пять имён. Часть 1».

Исследователи творчества Элтанг солидарны в том, что ее стилистически неоднородный, насыщенный разнообразными цитатами текст представляет некоторую сложность для читательской аудитории. В. Топоров, например, отмечает, что первый роман «... требует от читателя серьезной медитативной концентрации и немалой работы души» [2, с. 20]. Это мнение разделяет и А. Урицкий, четко обозначая цель, с которой создаются подобные произведения: в то время как персонажи книги «борются с холодом небытия» [3, с. 27], текст становится «собственным лирическим высказыванием» писателя.

«Псеводетективный» сюжет – общая черта всех романов Лены Элтанг – по словам критика, лишь дает автору возможность высказаться и скрепляет воедино лишенные четких границ композиционные элементы. А. Чанцев подчеркивает, что переплетающиеся сюжетные линии романа служат единственной цели – раскрытию образа главного героя, «загадочность, харизматичность и даже некоторые черты святости» [4, с. 14] которого позволяют поставить его в один ряд с ключевыми образами классической и современной литературы. В воспоминаниях персонажей о детстве критик видит отсылку к традициям повествования Д. Сэлинджера, С. Соколова и В. Набокова, а манеру, в которой описаны события настоящего, называет «сюрреалистической», схожей с манерой Б. Виана, Ж. Перрека, А. Лебедева, А. Сен-Сенькова, И. Кригера. На материале третьего романа Д. Кожанова впервые пытается дать целостную характеристику герою Элтанг: это, по мнению критика, интеллектурал с обостренным восприятием мира и слабо выраженным чувством принадлежности к определенной культуре. Опорой для такого героя становится любой культурный код, за который он «держится ... обеими руками, чтобы не упасть» [1, с. 5]. Эта идея позволяет автору широко использовать возможности эпистолярного жанра: каждый «шаг» героя в агрессивном мире сопряжен с написанием текста, посредством которого и переосмысливается реальность. Об интертекстуальности, ставшей характерной чертой всех романов Элтанг, Д. Кожанова отзывается, однако, критически, подчеркивая, что писатель «навязывает свою эрудицию и постмодернистское восприятие реальности» всем персонажам, отчего фигуры в романе теряют индивидуальность [1, с. 5].

Большинство работ, посвященных прозе Лены Элтанг, тяготеют к описательности: исследователи стремятся представить наиболее полный список художественных приемов и обозначить в некоторой степени процессы, происходящие в сознании читателя на этапе восприятия «вязкого» текста. Однако пока практически не изучалась поэтика романов: композиционное строение, особенности хронотопа и художественной речи, функции интертекста.

Одной из ключевых особенностей романов Элтанг «Побег куманики», «Каменные клены» и «Другие барабаны» является своеобразие их пространственно-временной организации и, как следствие, ярко выраженная нелинейность повествования. Несмотря на то, что произведения имеют эпистолярную (или дневниковую) форму, которая, как правило, организует повествование, временные и пространственные ориентиры во всех трех романах выражены слабо. Такая форма позволяет главным героям быть одновременно субъектами и объектами повествования и перемещаться во времени-пространстве посредством создания текста: «... я буду жить одновременно двумя жизнями, я буду крепко спать и видеть себя живущим в этом сне» [7, с. 245]. Этот прием позволяет выделить идею невозможности окончательной самоидентификации – автор не раз обращается к этой проблеме в своих интервью. Герои Элтанг владеют сразу несколькими языками, поддерживают контакты с представителями разных национальностей и свободно ориентируются в культурных контекстах различных народов и эпох. Несмотря на продолжительные путешествия по вымышленным мирам, в «реальном» худо-

жественном мире они лишаются свободы частично или полностью: герой первого романа помещен в больничную палату, во втором свобода перемещения ограничена пространством вымышленного города Вишгарда, герой третьего находится в тюрьме. Замкнутое пространство не кажется герою враждебным, поскольку только изоляция дает возможность уйти от законов формальной логики – т. е. услышать «другие барабаны». Мотив побега в исследуемых романах становится одним из основных, он реализуется даже на уровне поэтики заглавия («Побег куманики»: Куманика – прозвище, которое дает себе главный герой; «Другие барабаны»: этой фразой в армии Наполеона обозначали сигнал к отступлению). Образ дома теряет свою значимость для основных персонажей романов, поэтому они часто существуют в «промежуточных» локациях – гостиницах, отелях, съемных квартирах. Семья, род, преемственность поколений остаются для них скорее частью культурного мифа или смутным воспоминанием об «утраченном рае» детства. Однако незначительная деталь этого детства способна восстановить в памяти целый мир, более близкий и понятный, чем нынешний, – потому герои с особым трепетом относятся ко всему, что окружает их в бытовой жизни, мифологизируют ее (в «Других барабанах», например, подчеркивается, что у героини «была любовь со всем, что не из стекла или металла – и еще со всем, что молчит» [5, с. 478], т. е. с окружающими ее предметами быта). Насыщенное детальными характеристиками пространство романа через систему культурных отсылок раскрывает совокупность поведенческих характеристик героев и позволяет проводить некоторые параллели между ними (например, герои-двойники романа «Каменные клены», Саша и Луэлин, в пространстве пейзажа видят своих умерших родителей). Кроме того, подобные описания оставляют у читателя ощущение достоверности происходящего (что вполне свойственно дневнику) и создают дополнительное напряжение в повествовании, способствуя более вдумчивому восприятию текста читателем.

Время в романах Лены Элтанг нелинейно, отчасти это связано с тем, что герои постоянно пытаются «переписать» настоящее и будущее с помощью прошлого: «Что я должен найти в прошлом, чтобы объяснить себе настоящее?» [5, с. 249]. Как и пространство, время в художественном мире отказывается полностью подчиняться человеку – власть над ним обретается путем мифологизации предметов и событий. Размытость временного плана проявляется и на языковом уровне: когда герой романа «Побег куманики» не может соотнести описываемые события с конкретным временем, он начинает перебирать видовременные формы глагола: «когда я смотрю – смотрел? – на ее волосы, я думаю – думал?» [7, с. 357].

По мнению автора комментариев к романам «Побег куманики» и «Другие барабаны» В. Коробова, герой у Элтанг часто является «не персонажем повествования, а персонажем речи ... он начинается вместе с речью и вместе с речью исчезает» [5, с. 638]. В создаваемых текстах персонажи не просто фиксируют реальность, но «переписывают» уже произошедшее, насыщают его цитатами, аллюзиями и, таким образом, наделяют новыми смыслами. В качестве прецедентных текстов автор активно использует не только произведения художественной

литературы, но и образцы устно-поэтической словесности разных народов (Прибалтика, Индия, Япония, Китай, а также древние культуры – античная, шумерская, тюркская и т. п.) Интересно, что русская культура при этом играет роль своеобразного маркера принадлежности героя к миру «избранных» характеров. При этом круг используемых автором прецедентных текстов, относящихся к русской культуре, не очень широк: в основном это произведения русских авторов XIX – нач. XX вв. (Ф. Достоевского, А. Чехова, Ф. Тютчева, В. Брюсова, А. Введенского и др.), современных авторов (А. Тарковского, Б. Кенжеева, М. Генделева), а также образцы народного творчества. Помимо выполнения контекстуальной и стилистической функций, интертекстуальные элементы определяют смысловую доминанту романа и акцентируют внимание на фигуре героя, в равной степени приближенного ко всем существующим в мире культурам. Характерной особенностью романов Лены Элтанг является также наличие паратекстуальных связей на уровне эпиграфов и активное использование пересказа – парафразы, создающее эффект загадки, игры с читателем: «вот у плинция крылатые саламандры, как их там звали? на букву п?» [7, с. 132]. Подобные межтекстовые связи позволяют автору усилить образную перспективу романов, сделать повествование более объемным, «стереоскопичным».

В романах Элтанг активно задействованы фонетический и лексический уровни текста: автор часто использует аллитерацию, языковую игру с различными видами омонимов (название частей романа «Ведьмы немы», «Ведьмы не мы», «Ведь мы не мы» [6, с. 410]), фонетические параллели, создающие дополнительные смыслы («плавильня – хорошее слово, в нем есть вильнюс, и плавный, и love, и даже авель» [7, с. 109]), письмо на разных языках и т. п. Такие элементы оформляются визуально: это позволяет не только интонационно выделить значимые для повествования части, но и остановить внимание читателя на т. н. речевых стереотипах – выражениях, потерявших очевидную связь с источником. К визуальным особенностям можно также отнести отсутствие пунктуации и заглавных букв в текстах, принадлежащих героям с особым мировосприятием, и шрифтовую акцентированность отдельных элементов романа.

Совокупность вышеназванных приемов позволяет автору создавать романы, в которых центральной фигурой становится не только герой с его практически неразрешимой в реальном мире проблемой самоопределения, но и текст как таковой в его изначальном, буквальном значении: латинское *textus* как «сплетение» смыслов, словесная «ткань», в которой переплетены значимые мифы и образы.

Библиографический список

1. Кожанова, Д. Книга отражений: «Другие барабаны» Л. Элтанг через «Письмовник» М. Шишкина / Д. Кожанова // *Контрабанда*. – 2013. – 15 марта. – С. 5.
2. Топоров, В. Сколько стоит шедевр / В. Топоров // *Взгляд*. – 2006. – 5 ноября. – С. 20 – Рец. на кн.: *Побег куманики* / Л. Элтанг. – СПб. : Амфора, 2006. – 448 с.
3. Урицкий, А. Переводные картинки, или Борьба с небытием / А. Урицкий // *Новое литературное обозрение*. – № 104. – С. 27–28.

4. Чанцев, А. Алхимия изнанки памяти / А. Чанцев // Новый мир. – 2007. – № 7. – С. 13–15.
5. Элтанг, Л. Другие барабаны / Л. Элтанг. – М. : Эксмо, 2011. – 640 с. – (Открытие. Современная российская литература).
6. Элтанг, Л. Каменные клены / Л. Элтанг. – М. : АСТ, 2008. – 413 с.
7. Элтанг, Л. Побег куманики / Л. Элтанг. – СПб. : Амфора, 2006. – 448 с.